

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'44+81'373.45

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ XIX – XX вв.***Г.Х. Гилязетдинова, Р. Акбари***Аннотация**

Статья посвящена исследованию семантического освоения русизмов, заимствованных персидским языком в XIX – XX вв. На основе анализа русских и персидских лексикографических источников с применением метода сплошной выборки выявлено около 300 лексических единиц. Описаны два структурно-семантических типа русских заимствований: 1) русизмы, значение которых переходит из языка-источника без изменений или с незначительным изменением; 2) лексемы, семантическая структура которых в персидском языке подвергается количественным, качественным или категориальным преобразованиям.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, заимствование, русизмы, семантическая структура слова, язык-источник, язык-реципиент.

В лексике современного персидского языка обнаруживается немалое количество русских заимствований, которые значительно пополнили словарный состав принимающего языка. Методом сплошной выборки из исследуемых персидских лексикографических источников и интернет-ресурсов нами было выявлено около 300 русских по происхождению лексических единиц. На чужой языковой почве семантическая структура этих слов не остается неизменной и более или менее приспособляется к системе заимствующего языка. Можно выделить два структурных типа русизмов в персидском языке – слова с неизменной и трансформирующейся семантикой.

**I. Русизмы, семантическая структура
которых на новой языковой почве остаётся неизменной**

Лексемы данного типа можно, в свою очередь, разделить ещё на две группы. Во-первых, это заимствованные **моносемичные слова**, сохранившие при миграции одно лексическое значение. Такое явление можно называть «копированием семантики» оригинального слова. Среди подобных русизмов особое место занимают слова, являющиеся номинациями заимствованных из чужой культуры предметов, реалий, отсутствующих в языке-реципиенте. В этом случае язык получает новый семантический концепт, поскольку, по словам Е.В. Мариновой,

«такие единицы являются единственными обозначениями денотатов и в момент заимствования не имеют в принимающем языке эквивалентов» [1, с. 288]. В этой же группе размещаются русские слова с незначительным изменением семантического объёма или оттенков значения в принимающем языке. Слова, входящие в данную группу, занимают первое место среди анализируемых русизмов (они составляют 40% от общего числа).

Опишем семантическую структуру русизмов этого типа на некоторых примерах. Лексема *аксельбанты* واكسيل بند [vāksilband]) и сокращённый её вариант واكسيل [vāksil] в принимающем языке, как и в языке-источнике, обозначают принадлежность воинской формы – ‘плетённые из золотых, серебряных или цветных нитей наплечные шнуры на мундире’ (ТСРЯ, с. 21). Изученные лексикографические источники позволяют отнести слово **vāksilband** к числу военных русизмов в персидском языке, потому что слово вместе с соответствующим денотатом впервые из России вошло в Иран в первой половине XIX в. (см. (СТКП, с. 368)).

Лексеме *пуд* также можно отнести к числу русских заимствований, обладающих в персидском языке идентичным значением и сходным звучанием. Согласно толковому словарю, слово-прототип употребляется для обозначения старой русской меры веса, равной 16.38 кг (ТСРЯ, с. 631). Первое упоминание этой лексемы в персидском языке датировано 1828 годом в путевом дневнике Хосров-Мирзы [2, с. 173]. Коррелят پوت [pūt] также обозначает ‘меру веса, равную 16.38046 кг’ (Моин, т. 1, с. 826). Характерно, что это слово популярно в северных провинциях Ирана, которые имели регулярные торговые отношения с Россией.

Во-вторых, к данной группе русизмов относятся **многозначные заимствования**, сохраняющие полный объём значений в принимающем языке. Это такие лексемы, как *атаман*, *червонец* и подобные.

Так, лексема *атаман*, по данным ТСРЯ, имеет два значения: 1) ‘высший начальник в казачьих войсках, а также военно-административный начальник в казачьих областях’; 2) ‘главарь, предводитель’ (*перен.*) (ТСРЯ, с. 31). Персидский вариант этого слова آتامان [ātāmān] встречается в путевых заметках иранских путешественников (см. [2, с. 79]) и в переводах романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Слово в принимающем языке употребляется в тех же значениях, что и в языке-источнике.

Следующим примером сохранения значения прототипа и коррелята служит полисемантическое слово *червонец*, которое имеет такие значения: 1) ‘золотая монета (достоинством в разное время в 3, 5 или 10 рублей)’ (*устар.*); 2): ‘денежный кредитный билет в 10 рублей’ (с 1922 г. по 1947 г., теперь *разг.*); 3) ‘сумма в десять рублей’ (*разг.*) (ТСРЯ, с. 882). Для коррелята چرونس [červons] в словаре Моина закреплены такие определения: 1) ‘русская денежная единица, равная 10 рублям’; 2) ‘золотая монета достоинством в 10 рублей’ (Моин, т. 1, с. 1282). Деххода к этим значениям добавляет ещё третье определение: ‘денежный кредитный билет или ассигнация’ (Деххода). Показательно, что русское слово *червонец* сохранило полный семантический объём и с небольшими фонетическими преобразованиями вошло в персидский язык.

Итак, можно сказать, что среди многозначных русских заимствований можно найти лексемы как с двумя, так и с большим количеством значений.

II. Русизмы, лексическое значение которых трансформируется при заимствовании

Здесь встречаются лексемы, претерпевшие количественные или качественные изменения в своём лексическом значении, а также слова, получившие категориальные изменения в семантической структуре. Их можно разделить соответственно на три группы.

В первую группу объединяются слова, при заимствовании которых наблюдаются так называемые **квалитативные изменения** (качественные преобразования) в семантике. Эти изменения проявляются в виде следующих процессов: а) сужение лексического значения заимствованного слова, б) расширение лексического значения и в) появление отрицательной оценки («ухудшение») в значении слова.

При **сужении** семантического объема в принимающем языке иноязычная лексема обозначает более широкий круг предметов или явлений в языке-источнике. Заимствуясь языком-реципиентом, она сокращает объём понятийного поля и обозначает лишь отдельные понятия или реалии из этого круга. Э.А. Балалыкина справедливо отмечает, что один из случаев сужения значения заключается в том, что родовое понятие применяется к отдельной частной группе, представляющей в глазах говорящего соответствующий род. Иначе говоря, слово способно употребляться в значении, соотносящемся с более узким понятийным объёмом, то есть родовое используется при назывании видового и т. д. [3, с. 31].

Например, лексема *артист* в русском языке имеет такие значения: 1) 'творческий работник, занимающийся публичным исполнением произведений искусства (актёр, певец, музыкант)'; 2) 'человек, который обладает высоким мастерством в какой-н. области' (ТСРЯ, с. 27). Персидским коррелятом этой лексемы является **آرتيست** [ārtist]. Заимствование в принимающем языке, сужая сферу своего употребления, используется только для названия определённого круга людей, занимающихся творчеством: актёров, певцов, музыкантов, художников (Моин, т. 1, с. 27).

Другой случай сужения семантики русизмов в языке-реципиенте – специализация значения. Очень часто слова, обладающие широким нейтральным значением в языке-источнике, входя в персидский язык, конкретизируются и получают специальное значение. В качестве примера можно привести лексему *касса*, имеющую в русском языке такие значения: 1) 'ящик, шкаф для хранения денег и ценных бумаг'; 2) 'помещение, учреждение, в которых производятся денежные операции'; 3) 'денежная наличность организации, учреждения'; 4) 'аппарат, на котором отпечатываются талоны с указанием полученной суммы, а также кабинка, место, где находится этот аппарат и кассир'; 5) 'ящик с типографскими литерами для ручного набора' (*снец.*) (ТСРЯ, с. 268). М. Моин отмечает следующее значение для коррелята **گارسه** [gārse]: 'ящик с типографскими литерами для ручного набора' или 'ящик со свинцовыми шрифтами в типографиях' (Моин, т. 3, с. 3164). В словаре Деххода также встречаются подобные толкования: 'типографский прибор'; 'станок с типографскими литерами для ручного набора'; 'ящик со свинцовыми шрифтами в типографиях' (Деххода). Сопоставление значений прототипа и коррелята показывает, что слово, заимствованное в одном специальном значении, утрачивает остальные семы.

Особый интерес представляет процесс заимствования исконно русского слова *полоса*, обладающего в языке-источнике следующими значениями: 1) 'длинный

ровный след (на какой-нибудь поверхности, в рисунке, в чертеже), длинная узкая часть какого-нибудь пространства'; 2) 'отдельный протяжённый участок чего-нибудь, пояс'; 3) 'в старой русской деревне: небольшой узкий участок пахотной земли крестьянского надела'; 4) 'страница в наборе, в печатном издании'; 5) 'промежуток времени, пора, период' (*перен.*); 6) 'настроение, состояние' (*перен. разг.*) (ТСРЯ, с. 556). Эта лексема имеет два коррелята в языке-реципиенте, потому что была заимствована в разные периоды дважды.

Первый вариант **فانوسقه** [**fānu(o)sqe**] – коррелят уменьшительной формы прототипа (*полоска*) – причисляется к более ранним русизмам в принимающем языке. Заимствование впервые появилось в 1846 году. По данным словаря Сохана, слово обозначает 'пояс, в котором размещают патроны, флаги, оружие и другое военное снаряжение, носимое на поясном ремне' (Сохан, т. 6, с. 5254). Разумеется, [**fānu(o)sqe**] в персидском языке употребляется в том же значении, что и *патронташ* в русском языке. А. Деххода добавляет ещё одно значение к упомянутому: 'вид ружья, применяемого во времена правления Фатх-Али-шаха каджара в Иране' (1797–1834 гг.) (Деххода). В этом случае слово *полоска* в принимающем языке, сокращая объём своего понятийного поля, приобретает более конкретное специальное (военное) значение.

Поздним вариантом заимствования русского слова *полоса* является **پلس** – [**polos**], употребляющееся как технический термин: 'отдельный протяжённый стержень в автомобиле, при помощи которого продвигаются его задние колёса' [4, с. 28]. Таким образом, при заимствовании русского слова *полоса* в обоих вариантах происходила специализация семантики.

Вторую подгруппу составляют слова, при трансформации которых происходит **расширение** семантического значения. Процесс расширения семантики иноязычного слова, так же как и процесс сужения, можно отнести к числу закономерных семантических изменений в языке. Его суть заключается в том, что слово на другой языковой почве увеличивает семантический объём и используется шире, чем в языке-источнике. Расширение значения русизмов в персидском языке реализуется в трёх случаях: 1) в процессе семантической деривации в результате метафорического переосмысления заимствованного слова; 2) при метонимическом переносе – когда, например, слово в языке-источнике обозначает предмет, а войдя в персидский язык, начинает использоваться для именованного материала, из которого этот предмет сделан; 3) не очень часто встречаются заимствованные названия лиц, связанные с какими-то действиями или профессией, которые по определённым причинам и обстоятельствам в языке-реципиенте получают переносные значения и становятся компонентом фразеологических сочетаний. При сопоставлении семантической структуры исходных слов и заимствований были выявлены лексемы, служащие ярким примером развития семантики оригинального слова (*аппарат, инспектор* и др.).

Лексема *аппарат*, которая восходит к латинскому *apparatus* 'снаряжение, оборудование' (БСИН, с. 53), вошла в персидский язык через русский и во всех словарях зафиксирована как русизм. В русском языке слово *аппарат* имеет следующие значения: 1) 'прибор, техническое устройство, приспособление'; 2) 'совокупность органов, выполняющих какую-нибудь особую функцию организма' (*спец.*); 3) 'совокупность учреждений, обслуживающих какую-нибудь

отрасль управления, хозяйства»; 4) 'совокупность сотрудников учреждения, организации, какой-нибудь области управления' (ТСРЯ, с. 27).

Следует отметить, что на этапе вхождения в язык-реципиент это слово сохраняет основное значение и утрачивает все остальные. На следующем этапе заимствование вовлекается в процесс **семантической деривации**, в результате чего его семантическая структура пополняется новыми смыслами, отсутствующими в русском языке. Таким образом, آپارات [āpārāt] в персидском языке приобретает такие значения: 1) 'прибор, устройство для демонстрирования фильма'; 2) 'устройство для заклеивания камеры автомобиля (автоклав для вулканизации)'; 3) 'фотоаппарат'; 4) 'прибор, техническое устройство, приспособление' (Сохан, т. 1, с. 41). Позднее, на основе новых значений расширяется сфера употребления слова, его сочетаемость и появляются такие новые сочетания в языке-реципиенте, как آپارات کردن [āpārāt kardan] 'вулканизировать', آپارات خانه [āpārāt khāne] 'аппаратная', آپارات چی [āpārāt chi] 'аппаратчик'. Таким образом, при заимствовании данной лексемы наблюдается сужение значения с его дальнейшим семантическим наполнением и развитием сочетаемостных связей.

К случаям расширения понятийного объёма можно отнести и лексему *инспектор*, которая, согласно ТСРЯ, употребляется для обозначения должностного лица, занятого инспектированием чего-нибудь (ТСРЯ, с. 248). Коррелятом в персидском языке служит اشپختر [ešpoxtor], при заимствовании которого русский язык выступает языком-посредником. По поводу этого слова встречается интересная история в персидских источниках. А. Деххода и М. Моин пишут о том, что «так звали иранцы русского командира – грузина по происхождению – Цвета Цицианова в ирано-русских войнах при Фатх-Али-шахе». Рассказывают, что однажды иранский воин Мохаммед Ахбари заявил о том, что в течение 40 дней убьёт инспектора и принесёт с собой его голову в Тегеран. Он начал чародействовать и в сороковой день принёс голову инспектора Цвета Цицианова Фатх-Али-шаху. Отсюда и появилась популярная поговорка *Разве ты принёс нам голову инспектора?* при обращении к человеку, который утверждает, что выполнил самую тяжёлую работу и хочет, чтобы наградили его достойным образом (см. (Моин, т. 5, с. 150), (Деххода)).

В третьей подгруппе размещается небольшое количество лексем, которые в персидской лексической системе получают **отрицательный оттенок**, то есть начинают обозначать предмет, вызывающий у персоговорящих негативное отношение. Этот процесс О.С. Ахманова называет **ухудшением** значения (см. (СЛТ, с. 490)). Примером может служить лексема *матушка*. Слово в русском языке имеет следующие значения: 1) 'то же, что мать' (*уст.* и *разг.*); 2) в некоторых выражениях (*Земля-матушка, Волга-матушка* и под.): 'то же, что мать' (*перен.*); 3) 'обращение к женщине, обычно пожилой' (*прост.*); 4) 'жена священника, а также обращение к ней'; 5) 'то же, что монахиня' (*уст.* и *разг.*) (ТСРЯ, с. 346). Деххода относит это слово к числу русских устаревших заимствованных слов, распространённых в начале Первой мировой войны и используемых среди носителей персидского языка.

Коррелят ماتوشکا [mātūškā] в языке-реципиенте употребляется для обозначения проститутки и женщины-злодейки. Очевидно, слово, войдя в персидский язык, потеряло все свои нейтральные (и даже положительные) оттенки и начало

функционировать в негативном смысле, участвуя в словообразовательном процессе, ср. *ماتوش-کاخانه* [mātūškā-xāne] ‘публичный дом в России’ (Деххода).

Итак, в перечисленных и подобных им случаях зафиксированы качественные изменения в семантике русизмов. Следующая группа заимствований с трансформированным значением включает в себя русизмы, в семантике которых наблюдаются так называемые **квантитативные (количественные) изменения** (изменение количества значений при сохранении их качества). Данные лексемы можно разделить на две подгруппы.

Первую подгруппу составляют заимствования, прототип которых имеет большее количество значений, чем коррелят. В качестве примера рассмотрим лексему *мундштук*, которая в русском языке отмечается в трёх значениях: 1) ‘часть курительной трубки или папиросы, сигареты, которую берут в рот при курении, а также небольшая трубочка, в которую вставляют папиросу, сигарету’; 2) ‘часть духового музыкального инструмента, которая при игре берётся в рот или приставляется к губам’; 3) ‘железные удила с подъёмной распоркой у нёба’ (ТСРЯ, с. 370). Коррелят *مشتوک* [moštūk] в принимающем языке имеет одно значение – ‘бумажная или деревянная трубочка, в которую вставляют сигарету и берут в рот при курении’ (Моин, т. 3, с. 4138). Слово *мундштук* (как обозначение новой реалии) вошло в персидский язык наряду со словами типа *сигара* и *сигарета*.

В ТСРЯ можно найти несколько значений для лексемы *тройка*: 1) ‘цифра 3, а также (о сходных или однородных предметах) количество три’ (разг.); 2) ‘школьная учебная отметка «удовлетворительно»’; 3) ‘упряжка в три лошади’; 4) ‘название чего-нибудь, содержащего три одинаковые единицы’; 5) ‘название чего-нибудь (обычно транспортного средства), обозначенного цифрой 3’ (разг.); 6) ‘костюм, состоящий из пиджака, брюк (или жакета, юбки) и жилета’ (ТСРЯ, с. 814). Коррелят *ترنيکا* [troykā] зафиксирован только в значении ‘упряжка в три лошади’ (Деххода). Данный русизм в настоящее время часто встречается в средствах массовой информации Ирана, но с другим значением – ‘союз трёх сторон-единомышленников (групп, партий, стран и т. п.)’¹.

Вторую подгруппу русизмов с квантитативными изменениями семантики составляют слова русского происхождения, которые в языке-источнике имеют меньшее количество значений, чем в заимствующем языке. Ярким примером расширения семантики заимствованного слова является лексема *чугун*. Слово в русском языке толкуется как: 1) ‘сплав железа с углеродом и некоторыми другими элементами, более хрупкий и менее ковкий, чем сталь’; 2) ‘сосуд округлой формы из такого сплава’ (ТСРЯ, с. 891). Деххода персидское *چدن* [čōdan] считает заимствованием из русского языка, которое в языке-реципиенте развило специальные значения: 1) ‘сплав железа с 1.8–4.5%-ным углеродом и некоторыми другими элементами (такими как кремний и марганец), являющийся основным материалом производства стали и изготовления отливок’; 2) ‘сплавной металл, подобный латуни, применяемый для изготовления скульптур и т. п.’; 3) ‘необработанное железо, из которого изготавливают печи, скульптуры и т. п.’; 4) ‘пушечный металл’; 5) сорт твёрдого металла’; 6) ‘сорт сплавного металла’;

¹ См., например, <http://www.mehnews.com/detail/News/2026455/>.

7) ‘сплав железа, свинца, меди, олова, золота, серебра и сурьмы’ (Деххода). Русизм چدن [čodan] получил широкое распространение в современной сталелитейной промышленности Ирана.

В составе третьей группы русизмов, претерпевших семантическую трансформацию, выступают слова, при заимствовании которых меняется **категориальная морфологическая семантика**, а при изменении частеречного статуса неизбежно трансформируется и лексическое значение заимствуемого слова. В качестве примера можно назвать такие лексемы, как *кормить*, *пьянь*, *почтовый* и др.

Так, если русский глагол *кормить* обозначает действие ‘давать корм (животным)’, то заимствование в персидском языке غرموت [γormūt] является существительным и имеет предметное значение – ‘корм для лошадей’. Русское стилистически сниженное существительное *пьянь* в персидском языке функционирует в качестве прилагательного پیان [piyān] и обозначает свойство – ‘пьяный, нетрезвый, мертвецки пьяный’. Русское прилагательное *почтовый* в персидском языке является существительным پشتوای [pošto-vāy], называющим ‘судно для перевозки писем и других бандеролей’ (Деххода), причём своё специальное значение заимствование приобрело уже на новой языковой почве. Можно сказать, что в данном случае «категориальная трансформация лексического значения слова-этимона является обязательной, поскольку при заимствовании меняется морфологическая принадлежность слова» [1, с. 293].

Проведённый нами семантический анализ заимствований позволил прийти к следующему соотношению:

- 1) 40% заимствованных слов составляют русизмы, семантические изменения которых в принимающем языке равны нулю или незначительны;
- 2) 25% русизмов претерпели качественные изменения (расширение/сужение семантической структуры), 31% – количественные (увеличение/сокращение количества значений), а 4% слов – категориальные преобразования.

Как показывают данные, русские заимствования в персидском языке могут осваиваться по-разному. Характерно, что персидский язык предпочитает копировать значение оригинального слова, а если происходит трансформация, то изменение и развитие значений заимствованных слов свидетельствует о глубоком семантическом освоении русизмов в языке-реципиенте.

Summary

G.Kh. Gilazetdinova, R. Akbari. Semantic Adaptation of Russicisms in the Persian Language in the 19th–20th Centuries.

The article studies semantic development of Russicisms borrowed by the Persian language in the 19th–20th centuries. Based on the analysis of Russian and Persian lexicographic resources (including dictionaries of foreign words, explanatory and etymological dictionaries, and Internet data resources) and using the method of continuous sampling, around 300 lexical units have been revealed. Two structural and semantic types of Russian borrowings are described: 1) Russicisms the meaning of which undergoes no or insignificant changes when borrowed from the source language; 2) lexemes the semantic structure of which undergoes quantitative, qualitative or categorical changes in the Persian language.

Keywords: Russian language, Persian language, borrowing, Russicisms, semantic structure of a word, source language, recipient language.

Источники

- БСИН – Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов. – М.: Мартин, 2004. – 704 с.
- Дехода – Дехода А.А. Толковый словарь персидского языка. – Тегеран: Университетское изд-во, 2012 (на перс.). – URL: <http://www.loghatnaameh.org>, свободный.
- Моин – Моин М. Словарь персидского языка: в 6 т. – Тегеран: Намен, 2009. (на перс. яз.)
- СЛТ – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
- Сохан – Большой толковый словарь персидского языка Сохан: в 8 т. / Под ред. Х. Анвари. – Тегеран: Сохан, 2002. (на перс. яз.)
- СТКП – Модарреси Я., Самеи Х., Сафави-мобархан З. Словарь терминов каджарского периода. – Тегеран: Отдел культурных исследований, 2001. – 656 с. (на перс. яз.)
- ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: А Темп, 2010. – 942 с.
- ЭСПЯ – Хасан-дуст М. Этимологический словарь персидского языка / Под ред. Б. Саркарати. – Тегеран: Асар, 2003. – Т. 1. – 454 с. (на перс. яз.)

Литература

1. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 495 с.
2. Афшар М. Заметки Хосров-Мирзы о путешествии в Санкт-Петербург. – Тегеран: Мостофи, 1970. – 406 с. (на перс. яз.)
3. Балалыкина Э.А. Семантические изменения в пределах заимствованной лексики в русском языке // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 1998. – Т. 135. – С. 30–38.
4. Садеги А.А. Русские слова в персидском языке и их история // Лингвистический журнал, 20-й год. – 2005. – Т. 2. – С. 3–47. (на перс. яз.)

Поступила в редакцию
17.05.13

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна – доктор филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: ggilaz@mail.ru

Акбари Рогайе – аспирант кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: roghayehakbari@yahoo.com